

Посткоммунистическая трансформация стран Закавказья: партийный аспект

Константин ПАЛЬШКОВ,
аспирант кафедры политических наук
Южно-Украинского национального педагогического университета
имени К. Д. Ушинского, г. Одесса, Украина

SUMMARY

The article deals with certain problems of establishing a multiparty system which arose in Trans-Caucasian countries in a period of post communist transformation. An attempt has been made to identify similarities and specific features in the experience of countries of the region.

Key words: *transformation, multiparty system, party.*

Одной из первоочередных задач, реализация которой призвана способствовать развитию и утверждению демократических ценностей стран Закавказья после развала СССР, должна была стать формирование действенной многопартийности.

Спустя двадцатилетие со дня установления независимости Армении, Азербайджана и Грузии, можно утверждать, что всеми тремя странами продемонстрированы собственные неповторимые взгляды на пути становления национальных партийных систем.

Цель статьи состоит в выявлении общих и специфических признаков в процессе развития многопартийности стран Закавказья. Властные элиты стран СНГ оказываются более склонными к утверждению авторитарных режимов, нежели, например, соответствующие актеры в Центрально-Восточной Европе, чем непременно ослабляют многопартийность. По мнению автора статьи, состояние и развитие именно института политических партий является одним из наиболее показательных индикаторов трансформационных процессов, которые происходят в таких государствах.

Главным препятствием на пути становления политических институтов независимых государств Закавказья стала

череда межнациональных конфликтов, многие из которых и сегодня продолжают сотрясать страны региона. Между тем, не углубляясь в проблему взаимосвязи трагических событий и процесса государственного строительства в этих странах, достаточно учитывать собственно конфликтное происхождение многих политических идей и взглядов.

После учреждения в июне 1991 года должности президента, одним из важнейших вопросов на пути формирования политической системы **независимого армянского государства** стала проблема перераспределения полномочий по оси глава государства - парламент. Еще до принятия нового конституционного акта на замену «советскому», закон «О Верховном Совете Республики Армения» склонил чашу весов в сторону института президента. Подобное превосходство нашло отражение и в Конституции 1995 года, пока Основной закон не был изменен в ноябре 2005 года. Данными изменениями была предпринята попытка сбалансировать систему разделения властей, одновременно сделав более независимыми правительство, судебную власть и парламент, [1, с. 189-198] что не может не вызывать повышенного внимания к развитию политических партий Армении как главных субъектов парламентаризма.

Тем временем, существенное влияние на формирование партийной системы Армении, на наш взгляд, на начальном этапе независимости оказало решение Верховного Совета Армянской ССР 1991 года, имевшего в своем составе только коммунистов и представителей Армянского общенационального движения и сформированного, еще при советской власти. [2] Таким образом, несмотря на образование в течение этого времени в парламенте многочисленных депутатских фракций и групп, новые политические силы получили свой шанс найти собственное место в Национальном собрании независимой Армении лишь в 1995 году.

Более-менее структурированный вид, по нашему мнению, система приобрела в 2003 году. Именно по результатам избирательной кампании этого года, на первое место единолично закрепились консервативная Республиканская партия Армении (РПА), впервые не попала в парламент Коммунистическая партия, укрепили свое положение центристская партия «Оринац Еркир» и националисты из Армянской революционной федерации Дашнакцутюн (ВРФД), поддержанные многочисленной армянской диаспорой. Однако, последние две партии оказались не готовыми к длительному удержанию обретенных позиций, которые они впоследствии уступили другим политическим силам и, прежде всего, право-центристской «Прцветавшей Армении», которая впервые участвуя, убедительно заняла второе место на парламентских выборах 2007 года и выстроила свои отношения с РПА на коалиционных началах.

Между тем, несмотря на видимую структурированность армянского парламента, следует отметить, что вместо достижения достойного уровня политической конкуренции, с середины 1990-х годов в Армении происходила маргинализация оппозиции, ее участие в политическом процессе и влияние на принятие соответствующих решений оказались минимизированными. Данный

тезис находит свое подтверждение в результатах избирательной парламентской кампании 2007 г., когда в Национальное собрание прошла лишь одна оппозиционная партия «Наследие», которая прогнозируемо осталась за бортом коалиции. Не в последнюю очередь виной этому красноречивый факт об отсутствии в посткоммунистической истории Армении прецедента, когда бы оппозиция консолидировалась и отправлялась на выборы более менее единым фронтом. Весомым объяснением отсутствия конструктива среди оппозиционных партий во время парламентских выборов является также и более привлекательная должность полномочного главы государства, в борьбе за которую оппозиция нашла в себе силы объединиться в преддверии выборов 2008 года. [1, с. 198-199]

Законодательным основанием для трансформации политической системы независимого **Азербайджана** на начальном этапе стал Конституционный акт «О государственной независимости Азербайджанской Республики», [3] положения которого определяли, в частности, организацию построения государственной власти и предусматривали право граждан на образование партий, отмечая, что они являются основным элементом политической деятельности. В силу, прежде всего, социально-экономического хаоса, овладевшего республикой, которая явно не была готова к обретению независимости, реализация большинства постулатов Конституционного акта оказалась трудно реализуемой. Тем не менее, строки документа о роли партий способствовали развитию этого важного института, когда, по примеру других постсоветских стран, многочисленные общественные объединения, появившиеся во второй половине 1980-х, эволюционировали в политические партии.

Роль главной оппозиционной политической силы впоследствии взял на себя Народный фронт Азербайджана (НФА), в рядах которого были собраны

представители общества разных политических взглядов и убеждений, но в общем передававшие негативные настроения граждан и, прежде всего, беспокойство карабахским конфликтом. Подобная организация выгодно отличала НФА от власти, которая к этому времени утратила связь с обществом и была не способной к диалогу.

В это же время продолжают массово регистрироваться политические партии, основой для образования многих из которых выступила карабахская проблема, разрешение которой приобрело идеологические черты и нашло отражение в программных документах таких организаций. Сама тенденция роста количества партий давала основания верить в перспективы демократии в Азербайджане, в частности, в развитие и укоренение многопартийности.

Между тем, на пути укрепления демократических институтов встала тяжелая и беспокойная ситуация в стране опосредованная, прежде всего, неудачами в Нагорном Карабахе. Неспособность первых президентов Азербайджана остановить кровопролитие способствовала возвращению во власть бывшего лидера республиканской организации КПСС – Гейдара Алиева.

Со своим возвращением опытный политик начал очищение государственных структур от представителей НФА, одновременно формируя собственную политическую силу, которой стала партия «Ени Азербайджан» (ЕА). Сформированная в том числе из бывшей номенклатуры, ЕА стремительно приобрела лидерский облик.

Уже по результатам выборов в Милли Меджлис 2005 года, ЕА получила тотальное преимущество в парламенте, разделив места лишь с пятью партиями – собственными спутниками, имитировавшими многопартийное сотрудничество с лидером нации, а также двумя истинно оппозиционными партиями, которые, правда, набрали лишь 12 мест из 124-х. [1, с. 151]

Первую ступень в партийной системе ЕА

уверенно занимает и сегодня с огромным отрывом, побеждая на выборах. И это при том, что управляемый азербайджанский парламент является не единственной опорой власти главы государства, поскольку по объему полномочий его вряд ли можно сравнивать со всесильным институтом президентства, что нашло свое отражение в Конституции Азербайджанской Республики 1995 года. [4]

Крайне тесная связь президента, которым ныне является сын первого президента - Ильхам Алиев, с правящей партией наложила отпечаток и на представление о партийной системе Азербайджана в целом. Кроме правящей ЕА, контрастно выделяются провластные и оппозиционные партии, последние из которых можно разделить на конструктивные (например, Партия гражданской солидарности, партия «Ана Вэтэн») и радикальные. Оппозиционные партии, среди которых можно выделить «Мусават», Партию Народного фронта Азербайджана, Демократическую партию Азербайджана и полулегальную проиранскую Исламскую партию Азербайджана, сегодня и в ближайшей перспективе фактически не имеют шансов пробиться во власть в объеме достаточном для воплощения собственной политики. Участие последних усложняет также высокая степень государственного контроля над медийным пространством республики, деятельность которого в основном направлена на освещение работы государственного аппарата и, в первую очередь, главы государства.

Развитие движения массового протеста в последней из рассматриваемых в статье стран Закавказья, **Грузии**, берет свое начало со второй половины 1980-х годов. Первой организацией протестного характера, консолидировавшей в своих рядах часть разрозненных антикоммунистических течений и движений, стало «Общество Ильи Чавчавадзе». Несмотря на то, что массовое образование собственно политических партий началось позже, данное общество

и ряд структур, отколовшихся от него впоследствии можно идентифицировать как протопартийные структуры.

Применение крайне лояльного по отношению к скромным политическим силам закона во время парламентских выборов Грузии 1992 года, по результатам которых в парламент прошло более двух десятков партий и других объединений, стало почти воспроизведением первой демократической избирательной компании в польский Сейм. И только с выборов 1995 года, можно говорить о формировании партийной системы Грузии с теми признаками и особенностями, которые присущи ей и сегодня, а это, прежде всего, прямая связь правящей партии с президентом, когда первая существует для легитимизации президентских решений и выступает полностью зависимой от стабильности положения главы государства.

После выборов 1995 года лидерство взял социалистический и пропрезидентский Союз граждан Грузии (СГГ), членский состав которого, среди прочей элиты насчитывал достаточное количество представителей бывшей номенклатуры. Кроме СГГ, одновременно в парламент прошли провластная партия «Всегрузинский союз возрождения», ведомая абхазским лидером Асланом Абашидзе и полностью зависимая от стабильности своего лидера, а также единственная оппозиционная сила - Национально-демократическая партия Грузии. Выборы 1999 года общей картины не изменили - лидерство сохранил СГГ, теперь уже оппозиционный блок «Возрождение Грузии» занял второе место, а блок «Промышленность спасет Грузию» (ПСГ), едва преодолев проходной барьер, замкнул тройку сил, прошедших в парламент.

Стоит отметить, что два периода нахождения у власти СГГ следует воспринимать, прежде всего, как часть авторитарного режима президента Эдуарда Шеварднадзе, положение которого как главы государства упрочила Конституция, принятая в июле 1995

года, закрепившая президентскую форму правления. При Э. Шеварднадзе, властная элита активно использовала привилегированный статус, по своему усмотрению используя бюджетные средства и проводя приватизацию. Страну захлестнула тотальная коррупция, возникли противоречия между властью и обществом, игнорировались положения Конституции и демократические принципы. [5, с. 77-78]

Тем временем, результаты выборов в парламент 2004 года стали еще одним доказательством наличия в грузинской политике связи правящей партии с президентом. В этой парламентской гонке со сверх убедительным результатом победу одержала пропрезидентская партия нового главы государства Михаила Саакашвили – Национальное движение – демократы. В то же время, единственным оппозиционным объединением, прошедшим в парламент стал блок «Новые правые - Промышленники», состоявший из объединения «Новые правые» и ПСГ. Уверенное первое место пропрезидентское «Единое национальное движение» (ЕНД) удержало и по результатам выборов в парламент 2008 года, одним из видимых результатов работы которого следует признать принятие поправок к Конституции, согласно которым с 2013 года Грузия должна была перейти к парламентско-президентской форме правления. Между тем, в отличие от результатов избирательной компании 2004 года, ЕНД получил меньший процент голосов, а в парламент, кроме блока «Объединенная оппозиция: Национальный совет – Правые», прошли также Христианско-демократическое движение и Лейбористская партия Грузии.

Уступить же первое место в парламенте ЕНД пришлось в 2012 году, когда по результатам демократичной избирательной процедуры политическая сила президента уступила объединенной оппозиции в лице блока «Грузинская мечта – Демократическая Грузия», возглавляемого бизнесменом Бидзиной Иванишвили за счет финансовых ресур-

сов которого, собственно, и была консолидирована оппозиция.

Принимая во внимание тот факт, что отношение к президентской партии можно рассматривать как индикатор отношения электората к главе государства, итоги выборов, скорее всего, следует воспринимать как политическое поражение самого Михаила Саакашвили. Можно предположить, что, несмотря на признанные достижения в борьбе с коррупцией, реформе правоохранительной сферы и т. д., за годы пребывания у власти крайне публичная особа президента, остающегося олицетворением ЕНД, успела надоесть грузинскому обществу, а не преодоленная все еще распространенная бедность в комплексе с обещаниями «хлеба и зрелищ» от оппозиции и «тюремный скандал» об избииении заключенных, вспыхнувший накануне выборов, сделали свое дело. Однако в любом случае главным результатом для Грузии и ее международного имиджа в 2012 году, безусловно, является факт первой в истории этой весьма неспокойной страны, мирной и конституционной передачи власти одной политической силой другой, что является безусловным свидетельством существенных достижений в направлении демократизации.

Переходя к выводам о пост-коммунистической трансформации партийных систем стран Закавказья, следует отметить, что всем трем странам пришлось столкнуться с затяжным периодом политической нестабильности, от относительно умеренной в Армении до наиболее сокрушительной в Азербайджане. Указанное нашло свое отражение и в особенностях становления многопартийности стран региона. Тем не менее, если армянские элиты смогли уже в начале 1990-х годов позволить себе дискутировать относительно распределения полномочий между парламентом и президентом, то в Азербайджане стоял один вопрос – в сильной личности, которая бы помогла обществу преодолеть всеобъемлющий хаос.

Стоит отметить и общее тяготение правящих элит к образованию «партий власти», как тенденции, существенно мешающей развитию действенной многопартийности и свойственной авторитарным режимам широко представленным в регионе СНГ.

Показательными следует считать успехи в развитии демократии в Грузии, однако, ответ на вопрос – было ли это исторической случайностью или волевой необходимостью грузинского народа – должно дать время.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Постсоветская трансформация политических систем новых независимых государств: материалы международной научно-практ. конф., (Москва, 25 ноября 2011 г.) / ред. В. Г. Егоров. - М.: МГОУ, 2012. - 286 с.
2. История армянского парламента (Краткий очерк) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <<http://www.parliament.am/parliament.php?id=parliament&lang=rus>>.
3. Конституционный акт Азербайджанской Республики о государственной независимости Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] / Режим доступа: <<http://www.azerbaijan.az/portal/History/HistDocs/Documents/ru/09.pdf>>
4. Конституция Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] / Режим доступа к Конституции: <<http://ru.president.az/azerbaijan/constitution/>>.
5. Леков Р. Трансформация политического процесса в Грузии (Реформа электоральной системы) / Руслан Леков // Обозреватель - Observer. - 2009. - № 8. - С. 77-78.